

Вечные девушки нашей мечты

Культура. 2000. — 12-18 окт. с 8

Режиссерский дебют Ренаты Литвиновой

Многие из актрис, снятые Ренатой Литвиновой в фильме "Нет смерти для меня" (Студия "Вертов и Компания"), восприняли эту съемку как последнюю в своей жизни. Ведь, по требованию автора ленты, им приходилось так или иначе подводить жизненные итоги, говорить о старости и неизбежной смерти, вспоминать свои потери. Смотреть на потускневших, но все еще желающих выглядеть бодро звезд нашего экрана немногочисленно, но — не скрою — весьма интересно: они раскрываются для нас по-новому, снимают (или хотя бы приподнимают) некие маски, носить которые им приходится по жизни.

Рената Литвинова как режиссер — уже само по себе сенсация. Она модная фигура бомонда, персона с обложки журналов, звезда авторско-кичевого кинематографа, красотка, живущая в стиле декаданса, изысканная, манерная и подчеркнуто стильная. Любая форма ее самовыражения будет воспринята на ура. Хотя Литвинова в своем творчестве (если вспомнить сделанные по ее сценариям картины Киры Муратовой и актерские работы) стоит особняком, и отличает ее от прочих творцов программное тяготение к смерти. К смерти, как некой субстанции, философскому понятию, явлению со своей определенной эстетикой, особым смыслом и даже некой пластикой.

Вот и интервью с киноактрисами прошлых лет, которые она решила провести, Литвинова попыталась свести на близкую ей "похоронную" тему. Но, слава Богу, поистине не переступила грань допустимого. Лишь разок назвала своих героинь "почти монстрами" и слишком явно подчеркивала, что "хотела успеть услышать их, звезд кино тоталитарного периода", зафиксировать "уходящую натуру". В принципе, она могла снять кого угодно, и, скорее всего, это было бы интересно. Рената явно умеет разговорить собеседника, подвинуть его на некие небанальные проявления. Но...

"Я не хотела снимать "бытовых" женщин, мне нужны были красавицы, — признается Рената, картинно заламывая руки. — Чтобы не так видны были приметы старости, мы снимали их через фильтры, сеточки, а поскольку бюджет был очень маленький и не всегда было под рукой то, что нужно, мне пришлось порвать на фильтры несколько пар своих чулок. Снимали в моей квартире. Ресницы и веки французская фирма клеила нашим героиням бесплатно, по-дружески". На "исповедь" Литвинова призвала актрис Нонну Мордюкову, Татьяну Окуневскую, Лидию Смирнову, Татьяну Самойлову и Веру Васильеву. Причем каждой из них она не говорила, кто еще снимается в фильме, "потому что, — как сказала режиссер, — они друг друга — хм-хм — не-

много ненавидят".

Это не творческие портреты. Не используются традиционные фрагменты из фильмов или фотографии. Автору важно — каковы эти люди, которых все знают, сегодня. Чем живут, о чем жалеют, с каким багажом готовятся предстать перед Всевышним. И перед нами проходит череда откровений, которые дорогого стоят. "Я железная, как кровать", — дает себе характеристику Окуневская. "Мы такие глупые, такие сплетники и такие все беззащитные", — сетует Смирнова. "Ну зачем они украли самолет?!" — никак не может успокоиться Мордюкова, пытаясь понять свою героиню из фильма "Мама".

Мы узнали, что практически всех режиссеров своего времени они считали плохими ("Выбирался лучший из худших"), что Смирнова до сих пор казнит себя за то, что сделала во время первой беременности аборт ("Ради какой-то паршивой роли") и из-за этого не смогла иметь детей, что Мордюкова до сих пор убеждена: в "Тихий Дон" на роль Аксины надо было взять ее, а не Быстрицкую ("Ну что она его все целует? Не заведено было у казаков целоваться! Зато казачка порой так посмотрит, что мед потечет!"), и что она по-прежнему хочет сойтись с Тихоновым ("Если бы вернуть, я бы все по-другому выдумала: я бы его оставила, а не он меня!"). Режиссер добивается от героинь таких откровений в стиле желтой прессы, что мы поневоле как бы подслушиваем то, что должны слышать лишь самые близкие. Это вызывает порой чувство неловкости, ведь бывшие кумиры предстают в своих исповедях и слабых ("Все мы — жертвы кинематографа"), и ущемленными ("Ничего, кроме гречи и торога, не ела"), и несчастными (прекрасные новеллы о несостоявшейся свадьбе Мордюковой с Юрием Каморным и ее романе с неким греком), и ревнивыми, и брошенными даже своими детьми (а у большинства из них детей вообще нет). А мы, получаемся, как бы смакуем их горести, невольно радуясь, что это пока их старость, а не наша.

"Отчего они так печальны?" — задает риторический вопрос Литвинова, делая скорбное выражение лица. Но ведь и так понятно. Открытки с изображением этих див экрана продавались раньше во всех киосках "Союзпечати", а теперь при раскладе ролей не всякий режиссер их и вспомнит. Разве что если нужна актриса на роль старушки. Но старушек многие из этих актрис принципиально играть отказываются. Они помнят себя во цвете лет, на вершине славы и внутри себя ощущают по-прежнему молодыми. Кстат, и мы-то их старыми почти не воспринимаем. Ведь тогда постаревшими надо признать и себя. Ведь полюбили-то мы их эвон когда!

Рената Литвинова подчеркивает с экрана (а она сама как комментатор и интервьюер появляется в кадре), что про звезд мы любим исключительно мифы, воспринимаем их на расстоянии, потому и сейчас она пытается сохранить "эту священную дистанцию". Литвинова великодушно разрешает "персонажам" не называть имен своих возлюбленных, суммы пенсий, которые они получают, и наверняка не все их жалобы на судьбу вставляет в фильм. В итоге героини давно миновавших лет — приведенные стилистами к европейским стандартам, приукрашенные и красиво снятые — остаются в памяти не "обломками империи", не жалкими, немощными созданиями, а женщинами, не потерявшими ни энергии, ни надежд, ни юмора. Например, Татьяна Кирилловна Окуневская, отвечая на вопрос о том, есть ли у нее сейчас возлюбленные и поклонники, патетически отвечает: "Во-первых, зачем они мне? Мне же 87 лет! А вторых — они есть". Разве не блестящий ответ?

И даже в разговорах о смерти они не скорбят и не охают, а относятся к этому вопросу как-то попростому. "Умирать не хочется, — говорит Нонна Мордюкова. — Я плитку только недавно сменила, электрическую поставила". И, главное, что в их исповедях сквозит неизбывный оптимизм. Актрис успокаивает вера в то, что они войдут если не в вечность, то в память людей, видевших их в кино, а значит, жизнь продлится гораздо дольше их непосредственно земного существования. "Нет смерти для меня", — роняет кто-то без всякого пафоса. "Ничего на пленке с нами уже не случится", — говорит другая. Эта идея становится их спасительной философией. И зритель понимает, что не столько режиссер что-то из них выпытывает, сколько у них самих есть потребность высказаться. А потому момент неловкости, который присутствует при начале просмотра, по ходу фильма исчезает. Мы, узнавшие об этих женщинах столько достаточно интимных вещей, становимся уже как бы

доверенными лицами, которым это позволено слышать.

Руководитель данного проекта Виталий Манский, а также помогавшие ему оператор Виктор Еркин, дизайнер Елена Китаева и прочие сделали милую и во многом неожиданную ленту. Она, скорее, похожа на телепередачу — подобного (по приемам, по крупности планов) мы видим по ТВ немало. Но все-таки творение Ренаты Литвиновой — это кино, интересное документальное кино. Пусть еще учебное (это ее дебют в режиссуре), но с определенными человеческими и эстетическими задачами. Похоже, поставленные перед собой задачи Рената выполнила (по крайней мере, она сказала на просмотре картины в Российском фонде культуры, что все, сделанное ею до этого, ей не нравится), а ценность материала, собранного в фильме "Нет смерти для меня", со временем наверняка возрастет.

Петр ЧЕРНЯЕВ

Р.Литвинова и ее героиня Т.Окуневская во время съемок